

Столетие Русской революции

ДЕСЯТЬ ОТТЕНКОВ КРАСНОГО

1. Считаете ли Вы исчерпывающим образом осмысленным опыт Октябрьской революции? Почему идеи Маркса—Ленина и ныне привлекательны для молодых умов?

2. В известном письме к Сталину Булгаков упомянул еще и о том, что пасквиль на революцию написать невозможно, ввиду ее грандиозности. Согласны ли Вы с тем, что эта «грандиозность» равновелика таким жанрам как героический эпос, историческая драма, философский трактат? Написаны ли они уже?

3. Под влиянием Великого Октября изменилась социально-политическая жизнь Запада: культура, военное дело, церковь, семья. Какие изменения в этих сферах Вам кажутся главными?

4. Страшные издержки русской революции, десятилетия «красного террора»... Чем можно объяснить их жестокость и бесчеловечность? Непримируемостью большевистской идеологии? Осознанием общего движения к новой мировой войне? Нуждами национального выживания?

5. Может ли измениться Ваше отношение к опыту Октябрьской революции и при каких условиях?

6. В какой степени, по Вашему мнению, Октябрьская революция была результатом внутренних российских конфликтов, а в какой подготовлена участием внешних сил?

7. Октябрьская социалистическая революция — достояние археологов истории или «спящая ячейка» будущего?

Лев Аннинский, литературовед (Москва)

1. Опыт до конца не осмыслен. Да и где тот конец?

Само слово «революция» прихвачено у западных европейцев по ходу нашего самообмана. Я предпочитаю русское слово — Смута.

Смута — реакция на трагические перемены в судьбе страны. Все цели становятся смутными, и тогда решает убойная сила.

Что до молодых умов — им же не терпится все попробовать. От зацеперства до марксизма. Или еще до какого-нибудь призрака.

Главное — чтоб до новой Смуты не дошло.

2. Согласен: грандиозность велика, и осмысляться будет в разных жанрах. Предугадать, как и в каких — трудно.

3. Эти изменения произошли на Западе вследствие всемирной исторической катастрофы: мировой войны. «Великий Октябрь» — следствие этой катастрофы. Какие

изменения считать главными? Я думаю, те, что нависают над человечеством теперь, век спустя после тех, что уже произошли.

4. Человека нельзя улучшить, его можно только на время умиротворить. В природе человека — неутолимая агрессивность, смиряемая самоотверженностью всепонимания и инстинктом любви. Жестокость и бесчеловечность в пору Смуты — попытка справиться с убийственной логикой войны.

5. Все зависит от того, как повернется очередная «перетяжка» мировых сил, которая неизбежна и уже идет (ревность цветных миллиардов к белому миллиарду, готовая перейти в ненависть). Если минует Россию эта «перетяжка» — минует нас и Смута. Если же втянут нас в это кровавое перераспределение сил, Смуты не избежать.

6. И то, и другое. Мы втянулись в мировую катастрофу, и внутренние конфликты ударили вовне.

7. «Спящая ячейка» продолжающейся истории. А как переназовется — археологи выяснят. К сожалению, постфактум.

Владимир Елистратов, доктор филологических наук (Москва)

1. Опыт Октябрьской революции, как и опыты любых подобных судьбоносных событий, никогда не будет исчерпывающе осмыслен. Думаю, что любое осмысление, даже если речь идет об осмыслении чисто профессиональном, то есть о педантичной работе с архивами, фактами, приводит к дальнейшей мифологизации. Людям нужны мифы, человечество все время обманывается и оно «само обманываться радо». А что касается идей Маркса-Ленина и идей других подобных личностей, тот тут ситуация, по-моему, ясная. Мало кто читал «Капитал», а кто читал — мало его понял. Но людям «отреферировали» дедушку Карла. И в «сухом остатке» осталось что? А вот что. Люди всегда не понимали, почему жизнь так несправедлива. Я такой умный — и такой бедный и несчастный. А он такой дурак — и богат и счастлив. Почему? Отчего? А Маркс отвечает, вслед за английскими экономистами: это все эксплуатация человека человеком, прибавочная стоимость. Их надо убрать, и все станет справедливо и хорошо. Очень простой ответ на очень сложные вопросы. Так поступают все революционеры. Вот все за ними и идут, особенно молодые бомбометатели-хунвэйбины. И идут «интеллектуалы», которые завлекательно «адаптируют-реферировуют» революционные идеи для вожаков хунвэйбинов-бомбометателей. А потом страстных «вожаков» пожирают те, кто мыслит уже без всякого революционного пафоса, чистые прагматики. И цикл возобновляется.

2. К сожалению, жизнь устроена так, что «пасквилизации» подвергается все. В любой пропаганде (антипропаганде) есть элемент пасквиля. А насчет героического эпоса — по-моему, об Октябре и Гражданской войне сказано много по-настоящему глубокого и «грандиозного» (Шолохов, Булгаков, Платонов, Эйзенштейн и др.).

3. Думаю, Запад по-своему отрефлексовал русскую революцию. Особенно интенсивно — до конца 60-х годов. Но кардинально советский эксперимент глубинные структуры западного сознания не затронул. Я уверен, эти глубинные структуры (доминанты, константы) национальных сознаний вообще затронуть нельзя. И наш Октябрь с «марксистским Лениным» — это все те же смуты прошлого с их ересями, «подметными письмами» и прочее.

4. Опять же: «издержки» нашей революции, при всей их «ужасности», не представляют собой чего-то абсолютно нового ни у нас, ни в мире в целом. Французская рево-

люция, геноцид индейцев в Америке или крестьянские войны в Китае никак не уступали в кровавости нашим событиям. Но русская революция все же стала кровавым событием именно планетарного масштаба. Без нее не было бы Соединенных Штатов в их нынешнем виде, Китая в его нынешнем виде, России, Европы, Латинской Америки, Азии, Африки, опять же, в их нынешнем виде. Последствий русской революции никто предсказать не мог. Они стали (в перспективе века) самыми неожиданными. Благодаря Октябрю, например, современный Китай конкурирует с США. Стала независимой Индия. И т. д. и т. п. А что будет дальше (в конечном счете во многом благодаря Октябрю) — снова никто не знает.

5. Оно уже изменилось. В детстве я был октябренок и пионером, и для меня революция была поистине Великой Октябрьской. Потом, в 80–90-е, мне стали внушать, что все это было ужасно. И я отчасти поверил. Сейчас же я склонен думать так. Русская революция — одна из глобальных смут, которые происходили и будут происходить. Китайцы (снова я про них, «родных») смотрят на свою историю как на смену династий и смут, как на династические циклы. У них их было много. Каждая династия (Мин, Тан и проч.) получает т. н. небесный мандат («гэ мин») и живет лет двести. Плюс-минус. Потом она исчерпывает свой «мандат», и начинается Большая Крестьянская война, в которой может погибнуть миллионов 50–70. Последняя китайская смута произошла в первой половине XX века, благодаря Октябрю, и небесный мандат получила КПК, и еще лет сто будет им владеть. А потом — все снова. У нас цикл покороче, но тоже ничего. Сначала мандат был у Рюриковичей, потом — у Романовых, затем — у коммунистов. В перерывах — смуты. Сейчас, после смуты 90-х, пришел новый «гэ мин». Его называть еще рано. Но он пришел, и впереди десятилетия и десятилетия более или менее «стабильного мандата». Мы уже не такой молодой суперэтнос, чтобы по-подростковому рефлексировать насчет истории. Наверное, когда у древних китайцев случались смуты, они тоже переживали, отвечали на анкеты какого-нибудь древне-китайского журнала «Нева» насчет «кровавого террора» предыдущей династии, страстно осуждали его или оправдывали. Но даже Мао Цзедуну приписывают фразу: «Коммунизм — это маленький эпизод в жизни большого Китая». И наш Октябрь — тоже эпизод в жизни большой России. Кстати, Китай в результате последней смуты тоже потерял большие территории (одна Монголия чего стоит). Но никто не говорит о «развале Китая». А мы все время твердим о развале СССР. Не такой уж это и «развал». Посмотрите на карту. Да и вот он, новый Евразес... Поживем — увидим. Нет, все-таки, перефразируя классика, «история не терпит суеты».

6. Разумеется, и то и то. И «сами виноваты», и «наши партнеры» подсутились. Но главное, что результат-то оказался непредсказуемым — ни для нас, ни для них. В этом вся «прелесть» истории.

7. Я уже в целом ответил на этот вопрос (№ 5). Октябрь — это «достижение археологов», являющееся «спящей ячейкой» будущего. Птица Феникс возрождающаяся из пепла. Пепел, порождающий птицу Феникс, и никаких фукуямовских «концов истории».

Вера Зубарева, доктор филологии (США)

1. Идеи марксизма привлекательны для малообразованной публики (да и сам Маркс создавал свою теорию, опираясь на старые экономические представления и игнорируя новые научные теории своего времени). Под «малообразованной» я имею

в виду публику, не понимающую основ экономики и наивно принимающую политэкономиию за экономическую науку. Политика — это то, что доступно здравому смыслу. Трудовая теория стоимости, взошедшая на четкой политической доктрине, привлекательна именно тем, что «она всегда была доступна логике и здравому смыслу» (А. Каценелинбойген). Научить же людей мыслить другими категориями столь же сложно, сколь пояснить туземцам, что земля круглая и люди на другой стороне шарика не ходят вниз головой и не сваливаются. Чтобы увязать глобальное видение Земли с локальным представлением о положении человека на ее поверхности, нужно обладать глобальным видением (А. Каценелинбойген). Кроме того, людей эмоционального склада привлекают гуманные идеи, как бы абсурдны или потенциально опасны для общества они ни были. Это опять-таки связано с трудностью целостного видения, свойственной определенному типу ума (не только молодого).

2. Булгаков лукавил. Свидетельство тому — его собственные произведения. И «Роковые яйца», и «Собачье сердце», и «Мастер и Маргарита», и многое другое, вышедшее из-под его пера, — все это грандиозные пасквили на революцию.

3. Главное — это отторжение библейских ценностей. Оно повлекло за собой все — коррозию в семье, культуре и отношении к войне и миру.

4. Любая революция отторгает Бога и заповеди. Десять заповедей базируются на принципе безусловности, то есть «не убий», «не укради» и т. д. безотносительно конкретных условий. Революция подменяет этот принцип принципом условности. Главное условие — идеология. Идеологического противника не грех убить, обокрасть и пр., и пр.

5. Нет, не может.

6. Исторический опыт показывает, что революции нуждаются в спонсорах, и они, как правило, приходят извне. Однако зерно всходит лишь на благодатной почве, а вирус поражает лишь ослабленный организм. Это обоюдный процесс взаимодействия внешних влияний и внутренней предрасположенности, но результат зависит от внутреннего потенциала системы. Чем он слабее, тем больше вероятность ее слома, и наоборот.

7. Революция всегда дремлет в организме страны. Организм нужно укреплять. Роль образования чрезвычайно важна. Но именно образования, а не насаждения контридеологии.

Борис Колоницкий, доктор исторических наук

1. Нет, опыт Российской революции 1917 года я не считаю осмысленным в должной мере. Многие авторы различных текстов находятся в поле влияния советской традиции, это касается и немалой части антикоммунистов, которые сохраняют историсофские схемы, меняя знак оценки с положительного на отрицательный. Другие, обличая марксизм, остаются на позициях экономического детерминизма.

Именно «лихая» попытка преодолеть советское прошлое пошлыми обличениями «совка», без ответственной и болезненной проработки прошлого делает неизбежной возрождение марксизма, или даже марксизма-ленинизма. Если коммунизм порождает антикоммунизм, то справедливо и обратное.

2. Думаю, что Булгаков лукавил, пасквили он писал, многие читатели по ним и воспринимают и историю, и современную ситуацию (понимание украинского кризиса через тексты Булгакова нельзя не ощущать).

Немало есть талантливых текстов, но каждое новое поколение должно писать новую историю революции. Классики читателю начала XXI века недостаточно, нужны новые слова, новые образы, новые темы).

3. Социальное законодательство, антиколониальное движение, новые принципы организации политических движений, язык искусства и литературы XX века.

4. Все упомянутое важно. Но можно и добавить:

Специфическая культура конфликта в дореволюционной России, когда неполитические и политические конфликты разного масштаба превращались мгновенно в маленькие гражданские войны с использованием армии.

Прославление и легитимация революционного террора радикальным подпольем, в чем приняли участие многие деятели русской культуры.

Общая брутализация эпохи мировой войны и сопутствующих ей конфликтов (в том числе этнических и религиозных).

Общее влияние Гражданской войны. СССР создавался как государство, ориентированное на победу в гражданской войне. Институциональная память и выдвижение новой политической элиты в годы Гражданской войны оказали воздействие на последующую историю: во время различных кризисов обращались часто к практикам той поры.

5. Да, конечно. Прежде всего, оно может измениться под влиянием моего нового жизненного опыта. Так, опыт службы в армии, опыт перестройки серьезно повлияли на мое восприятие истории революции.

6. Вопрос поставлен не очень точно. Начало XX века это время комплекса революций — Российская, Персидская, Турецкая, Китайская, Португальская, Мексиканская, опять Российская — и т. д. Эти революции переплетались, оказывали друг на друга воздействия, порождали конфликты и войны. Так, во многих отношениях и Первая мировая война — порождение революций, прежде всего младотурецкой. Революция — глобальное явление.

7. Историк не должен быть прорицателем. Судьба истории революции непредсказуема.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Опыт Октябрьской революции не только нынче не осмыслен до конца, но и не осмыслен многовариантно. Возможно, он и не будет осмыслен окончательно и бесповоротно. Этому событию, кажется, не грозит тотальное людское понимание. Есть исторические события, которые переходят в явления. А явление — оно фрактально. Оно очень объемно, и каждая эпоха рождает свое осмысление и собственное понимание происшедшего. Такова революция 1917 года. И сама-то революция многопластовая; сначала она явилась в одних одеждах — в платье Красной, кровавой Пресни 1905-го, потом в виде красной гвоздики Февраля, а потом и в виде залпа «Авроры» и захвата власти большевиками. Вот все думаю: зря Временное правительство заседало в Зимнем дворце — царский дворец плавал на поверхности времени слишком легко воспламеняющимся маслом. Но, как любой символ любой власти, которая хочет быть уничтожена другой силой, он подлежал нападению, разгрому и разрушению. Мир насилия был разрушен? Мы наш, мы новый мир стали бодро строить? Да нет, совсем не мы все, скопом, и совсем не бодро. Просто тот, кто взял власть, стал диктовать свои законы. Почти вся страна, лишившись царя, с сомнением и недоверием прислушивалась к этому диктанту. Но Ленин придумал невообразимо действенные, сногшибательные слоганы. Мир — народам! Хлеб — голодным!

Земля — крестьянам! Скажите, кто за такими обещаниями не пойдет? И ведь пошли! Еще как пошли!

Когда было вычислено, сколько народу к 1919-му году стояло под знаменами Белой гвардии, а сколько — под красными флагами Красной армии, люди поразились соотношению сил. Если белогвардейцев, к примеру, сражалось 150 тысяч, то на стороне Красной армии сражалось полтора миллиона бойцов. Почему? Прост ответ. За лучшую жизнь. За светлое будущее. Пусть мы утонем в морях крови — зато наши дети будут жить в светлом, чудесном счастье и в радостном мире.

В морях крови мы — да, утонули...

Было бы за что тонуть...

Идеи Маркса и идеи Ленина сами по себе — вроде бы провозвестники этого самого светлого и хорошего будущего. В них коммунизм предстает объективной реальностью, утверждается, что реальность эту вполне можно построить. «Мы наш, мы новый мир...» Опять? В который раз? Молодые, к величайшему сожалению, не понимают только одного: что те, кто серьезно вознамерился сделать революцию, свергнуть существующую власть и занять пустой трон, заняв этот трон, по прошествии какого-то времени, порой совсем небольшого временного отрезка, становятся точно такими же, какими были на этом самом троне их предшественники. Долой коррупцию? — сами становятся взяточниками и ворами. Долой жестокость и насилие? — сами строят такие же тюрьмы и такие же лагеря. Все для народа? — этот лозунг самый короткоживущий: вскорости новые владыки начинают грести все под себя и делать хорошо только самим себе и кругу приспешников, а народ как тихо страдал и терпел, так и продолжает тихо страдать и терпеть.

Однако перспектива заманчивая. Другие повладычили — долой их, повладычим теперь мы! «Отобрать и поделить!» — один из лозунгов современной политической партии, думающей, что она продолжает славные традиции большевиков и Совдепии. Читай: отобрать богатства у богатых и поделить их между нами, между теми, кто власть заберет. А отнюдь не между каждым гражданином несчастного государства, снова переживающим революцию.

Как все революции, она кровава и страшна: мы видели это на примере Украины. Как все революции, она защищает интересы тех, кто захватил власть, и жестоко преследует тех, кто (пусть даже едва заметно! робко!) восстает против нее. Во время гражданской войны и сразу после нее тебя убивали с приговором: «Враг революции». Потом, когда власть укрепилась, она ловко придумала новую формулу для уничтожения своих граждан: «Враг народа».

А резать баранов, причем массово, в этом случае надо. Обязательно надо! Так защищаются завоевания революции, сиречь, сохраняется завоеванная власть. И страшно, если народ вдруг восстанет и тебя низринет с завоеванного трона: ты с ним, тронном, уже сроднился. Поэтому революционеры, ставшие владыками, постоянно режут и обезглавливают свое стадо. Иначе — как наверху удержаться? Страх — мощное оружие.

Молодые — пассионарии, им нужно восставать и ниспровергать.

Они часто не видят, что за этим следует.

А зря не видят. Видеть бы — надо.

2. «Слушайте музыку революции!» — воскликнул Александр Блок. Любая революция, как, впрочем, и любое потрясение всякой отдельно взятой жизни, любая трагедия, любая драма, — это некое «сотрясение времен»; трагедия обжигает, она оставляет ожог на сердце миллионов, а внутри этих миллионов есть художники, они живо откликаются на эти страшные костры и горящие факелы, они их живо-

писуют, — отсюда такая расхожая легенда о том, что великие потрясения рождают великое искусство.

Но вот посмотрите. Мы можем обвинять революцию в жестокости, в ужасе разрушений, в том, что по земле разливаются моря крови... но именно русская революция была невероятным толчком к рождению первого русского авангарда! Стремление к монументализму, к гигантизму, к огромности Космоса, изображение народных масс, бегущих к распахнувшемуся небу, где оголтело катятся звезды и планеты, к краю мира, за которым — вспышки новых миров, строительство невероятных железных башен и дворцов, устремленных, как неведомые корабли будущего, в солнечный зенит, — это все появлялось у нас, в нашей русской культуре, на фоне затхлых халуп, дикой нищеты, голода, расстрелов, «две морковинки несущих за зеленый хвостик», на фоне зверских пыток в ЧК и сожженных донских станиц и хакасских заимок, — и Родченко, и Павел Радимов, и «Окна РОСТА», и Мейерхольд, и Татлин, и Павловский, и Шадр, и Мухина!

Эпос революции сильными нашими художниками уже не раз написан. Разве «Тихий Дон» не таков? И «Хождение по мукам», и «Жизнь Климса Самгина», и даже не такое уж давнее «Красное колесо» — разве это не попытка этого самого осмысления революции, с какого мы начали разговор? И еще и еще раз, и еще много-много раз, прав старинный цыганский романс, писатели обратятся к этой страшной ломке времен. Старая Россия исчезла, убежала, улетела, сгорела, легла, расстрелянная, горами трупов под ноги новым людям — тем, что убили прежних и вообразили, что теперь-то они будут спокойны и счастливы. Нет. Трагедия только началась. И, что самое ужасное, трагедия продолжается. Знаете, старый Жан-Кристоф у Ромена Роллана говорит: «Ничему-то меня не научила жизнь! Я все вижу... все знаю... и никак не расстанусь с прежними иллюзиями».

Революция — вечная иллюзия лучшей жизни, за которую надо заплатить только кровью.

Бескровная революция приходит только во сне.

И вспоминаю Бетховена: «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!». Глухой музыкант записал это в разговорных тетрадах. Потом, у Роллана, это повторил Жан-Кристоф.

3. Ну, культура Запада и его социальные институты — армия, церковь, — семейный уклад, частная жизнь изменились не только под влиянием русской революции, но просто под напором потока, течения времени. Это течение обладает силой, порой ломающей уклады и институты, и помимо революций. На Западе пришло время Ницше, и его рассуждения на ту тему, что человек сам себе Бог, что высший человек есть сверхчеловек, были крайне близки Максиму Горькому, но упаси Бог объявить себя в революционной России тайным или явным ницшеанцем! Ницше, это же проклятая буржуазия, а Горький — певец революции и всех ее буреветников. А потом пришел Барт и объявил: «Автор умер». Сначала умер Бог, потом умер автор (значит ли это, что авторами внезапно стали все, масса, по Ортеге-и-Гассету?), а потом, следуя логике, должен умереть и человек. И, это понятно, все создание рук человеческих — вслед за ним: культура и цивилизация. Мы, кстати, сейчас, как никогда, близки к этой, последней смерти.

Как может измениться церковь на Западе вследствие Октябрьской революции? Католическая церковь давно уже пустила в стены храмов и рок-группы, и участников философских дискуссий, и как угодно трансформирует службу, пытаясь интересностью формы привлечь паству. Но это все происходит не из-за русского 1917-го года. А семья? Да, революционеры бросали в толпу умопомрачительные лозунги, вроде: «Женщина — стакан воды», «Общие жены», «Свободная любовь» и все такое

прочее. Но архаическая семья уцелела, правда, претерпев множество изменений, вплоть до узаконивания, в иных странах, однополых браков. Мы же, в нынешней России, изо всех сил сейчас пытаемся вернуться к патриархальной семье, всячески ее укрепить и оживить. Жизнеспособна ли окажется эта драматическая, больше скажу — героическая попытка? Но коллективное воспитание детей в неких бараках-коммунах, по Фурье, Оуэну и Ивану Ефремову, у нас не пройдет. На это у государства нет ни средств, ни коренным образом измененной психологии людей, ни уровня сознания общества в целом. Общество как было ориентировано на «мама-папа-я-дружная-семья», так и движется в этом направлении.

И тут никакие войны и революции пока не помогут.

4. О, нет. Только не нуждами национального выживания! И не осознанием того, что все опять движутся к всеобщей бойне. Вот давайте представим себе, что после смерти Ленина власть взял не Иосиф Сталин, а, к примеру, Каменев или Рыков. Или Бухарин. Или Зиновьев. Сталин сделал все возможное, чтобы после кончины Ленина унаследовать страну. Он спал и видел это.

Про Троцкого не говорю. Троцкий был, как и Сталин, патологически жесток. Это именно Троцкий оборонил сакраментальную фразу: «Если мы уйдем, то напоследок так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется».

К сожалению — но так устроен мир, и так устроен человек — общее движение, мейнстрим государства зависит от доброго или злого, умного или глупого, энергичного или безвольного царя. Каков поп, таков и приход. Сталину удалось выстроить невероятной мощи, невероятной отлаженности и невероятной жестокости государственную машину. Ее шестеренки продолжали работать именно потому, что время от времени, а это происходило часто, да что там, каждый день, шестеренки, гайки и винтики из общей железной массы выламывались, и на их место быстренько ставились другие. И других ждала та же участь. Люди просто не успевали опомниться.

Но так уж эту адскую машину сконструировал Сталин.

Как бы ее сконструировал Николай Иванович Бухарин, сын школьных учителей?

Как бы ее сконструировал Алексей Иванович Рыков, саратовский крестьянин?

И вот интересный вопрос: как бы ее сконструировали иные победители — если бы в кровопролитных сражениях Гражданской войны победила Белая Гвардия?

Давайте на минуту допустим такой вариант.

Вернули бы царя? Стала бы крепнуть Россия? Явился бы второй Столыпин и наконец решил самый болевой вопрос России, аграрной до мозга костей страны — крестьянский вопрос? Сбылось бы это: «Земля — крестьянам!»? Стали бы развиваться промышленность, наука, искусство? И вот этот вопрос, почему-то, когда вспоминают о советском строе, он всех волнует: полетели бы мы в космос?

Слушайте, балет и космос, да, это просто наши священные письма.

Балет был и в царской России. А в космос вышла и капиталистическая Америка.

За наш блестящий балет и за наш триумфальный выход в космос мы заплатили десятками миллионов жизней, легших под гусеницы социалистического танка. В основном — крестьянских жизней. И, кстати, рабочих. И — военных! А духовенство и люди культуры и так погибли: или мучениками стали, или навеки убежали из России; это все равно что умерли.

Где здесь нужды выживания? Нужды этого самого выживания образовались именно потому, что произошла кровавая революция, взорвалась кровавейшая гражданская война и за ней, почти сразу, — раскрестьянивание, убившее крестьянство России на корню.

Да, идеология большевизма основана на жестокости и апологии «непримиримой борьбы». Эта борьба, в воспаленном сознании Сталина, растянулась на долгие

годы. Говорить о «контрреволюционной деятельности» в 1930-е, в 1940-е годы, в начале 1950-х было просто смешно. Однако миллионы людей в эти годы расстреливали и сажали в тюрьмы и лагеря по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Перечитайте эту статью. Волосы дыбом встанут.

5. Измениться? В какую сторону? В плюс уйти или в минус? В моей семье в сталинской тюрьме сидел дед, Михаил Павлович Еремин. Прадед Павел то и дело гремел в лагерь как контрреволюционер — он-то, простой самарский крестьянин! Сначала в Усурийск, потом на поселение в Минусинскую котловину, потом выпустили и снова забрали — на Соловки, на пересылку, — и отправили в лагерь особого назначения на Новую Землю. Его расстреляли при попытке к бегству, за три месяца до освобождения, но как он на Севере выжил 15 лет — до сих пор не пойму. Крепкий был мужик; плотник. Дом отняли, хозяйство разграбили. Семья по миру пошла. Но остались жить; и выжили. От голода 1932—1933 годов погибла на Украине родня отца. Деда, Михаила Еремина, чудом спас следователь. Ему грозил расстрел по 58-й — за измену Родине. На него донес друг: якобы Миша в компании плохой анекдот про Сталина рассказал! Из тюрьмы он сразу пошел на фронт, в штрафбат. Всю войну прошел сапером. Думаю, его Бог спас. Он мне сам сказал: «Я выжил потому, что молился». Это советский солдат! Бежал в атаку с воплем: «За Родину! За Сталина!» — а, идя по минному полю, бесконечно молился.

Вот почему нам надо все время, со времен революции, выживать и выживать? Выживать на каждом шагу?

Нет, я понимаю, что в СССР было много хорошего. Идея социализма — это, как ни крути, идея лучшей жизни. Тот же фантаст Иван Ефремов в «Часе Быка» вот что про нас написал: «...Вот отчего даже у нас так сложно воспитание и образование, ведь оно практически длится всю жизнь. Вот отчего ограничено „я так хочу“ и заменено на „так необходимо“».

— Кто же был первым на этом пути? Неужели опять Россия? — заинтересовалась Эвиза.

— Опять Россия — первая страна социализма. Именно она пошла великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привел наших предков к Эре Мирового Воссоединения...»

Пытки в ГПУ — и детские санатории. Повальные расстрелы в РККА — и заводы и фабрики, новые рабочие места. Показная лож партийных пленумов — и всеобщая грамотность и бесплатная медицина.

У революции нет знака плюс и знака минус. У нее — оба этих знака.

Но Россию революция, и такова объективная реальность, отбросила назад.

Поэтому Хрущеву, например, так важно было «догнать и перегнать». Самолюбие владыки страдало! Как же это, они, гады западные, убежали вперед!

А куда, в сущности, убежали? Есть еще такая драгоценность, как национальный характер. Русский характер такой, что русский в огне не горит, в воде не тонет. И он добр: он поделится последним, рубаху с плеча снимет. А вот куда убежал западный человек? К чему он прибежал? К бисексуализму? К толерантности? К культуре уюта во что бы то ни стало?

Эх мы, русские... «Уюта — нет. Покоя — нет».

Но зато есть нечто ценное в нас, неистребимое, то, о чем на Западе слыхом не слыхивали.

Вот эти слова Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

6. Все было тогда. И то, и другое. Низы взбудоражились, война измотала, революционная пропаганда усилилась как никогда. Время для революции ее апологеты выбрали хорошее, удобное: излом тяжелейшей на тот момент в истории, мировой войны. Февраль большевиков не устраивал. Не осуществлялась диктатура. Но и Европа бурлила. И Китай восставал. Идея мировой революции так или иначе владела умами во многих странах. Ленин о ней толковал в открытую, просто-таки кричал с трибун. Все это, сложенное вместе и многократно помноженное на правильно разработанную тактику большевиков, принесло плоды.

Послушаем самого вождя мирового пролетариата. Все равно лучше Ленина, идеолога и «двигателя» революции, про нее — из того времени — нам никто не скажет:

«Довод пятый состоит в том, что большевики не удержат власти, ибо „обстановка исключительно сложная...“.

О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией — только без „исключительно сложной обстановки“.

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных lamentаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии всегда создает исключительно сложную обстановку.

Ибо революция, настоящая, глубокая, „народная“, по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война мыслима без „исключительно сложной обстановки“, могут только человеки в футляре» (статья «Удержат ли большевики государственную власть?», 1917 год).

Если мы припомним тут западных банкиров, вложивших деньги в русскую революцию, немецкие финансы, благодаря которым Ленин в запломбированном вагоне, опять со революционными товарищами, приехал в кипящую Россию, мы не будем оригинальными: все это давно обговорено, сто раз оспорено и сто раз подтверждено. У истории нет сослагательного наклонения, это да, но у истории есть множество толкований.

Нет страны, изолированной от других стран. Все взаимодействуют, все находятся в общем процессе. Красные революции 1918—1919 года в Венгрии, Германии, Словакии, Италии — как на них подействовала революция в России, и как они реализовали свои собственные революционные планы? Все связано. Разъединить процесс порой бывает невозможно.

На первой мировой войне восставшими солдатами, уже встающими на сторону революции, были убиты многие офицеры. И на флоте что творилось? Матросы безжалостно казнили морских офицеров и даже капитанов. Если вспомнить, как все началось — и с чего все началось, — мы опять и опять придем к страшному Четырнадцатому году...

7. «В моем конце мое начало» — вышила Мария Стюарт на шелке, сидя в заточении в замке Фотерингей. Это первая строка поэмы Гийома де Машо (XIV век). Так, как нет ничего отдельного в сиюминутном мире, нет ничего обособленного или ничтожного, неважного — в мощном ходе истории, в колодцах времен. Сто лет — ничтожный срок по меркам Большого Времени. Октябрьская революция была просто вчера. Толком ни мы, ни Запад, ни Восток ее не осознали. Мы еще не отделились от нее настолько, чтобы она для нас стала историческим артефактом, проблемой фи-

лософии. Она слишком близка, кровава и горяча. Мой отец родился в мае 1918 года — тогда был жив еще наш царь и царская семья. А мой покойный свекор уже воювал на фронтах первой мировой. По сути, все, что происходило в революцию, происходило с нашими отцами и дедами. С нашими живыми семьями.

Поэтому, если революция — яйцеклетка, из которой вырастет зародыш неведомого будущего, тогда нам остается только ждать. А то, что вырастет, а потом вылупится птенец — в этом нет сомнений. В мире все повторяется. Все есть реприза. Все возвращается на круги своя: и войны, и революции. И я только молюсь об одном: чтобы нашим детям и нашим внукам не потонуть в этих морях крови, что снова, в свой час, нахлынут на нас.

Михаил Кураев, писатель (Санкт-Петербург)

1. Ровно десять лет назад, в июле 2007 года, «Литературная газета» открыла дискуссию «Анатомия революции», предварив ее редакционной «врезкой»:

«Ныне, когда в общественном сознании и отечественных средствах массовой информации отчасти смыта грязноватая пена всевозможных конъюнктурных „анти“ — антикоммунизма, антиленинизма, антисталинизма, антисоветизма, пришло время взглянуть на главное событие начала прошлого века незашоренным взглядом...»

Взглянули?

По прошествии десяти лет можно сказать, что рано «Литгазета» распрощалась со «всевозможными „анти“».

Чем меньше достижений может предъявить обществу власть, чем больше расслаивается общество на сверхбогатых и выживающих, чем чаще люди задаются вопросом, а что же произошло, что же с нами сделали в лихие 90-е, откуда вдруг появились миллионеры и миллиардеры, и какие это труды общество так щедро оплатило заводами, газетами и пароходами, тем активнее сводятся счеты с далеким прошлым, тем энергичней в «осмыслении» Октябрьской революции делается упор все на те же «всевозможные „анти“».

Беру *осмысление* в кавычки, постольку, поскольку чаще всего небескорыстную и целенаправленную манипуляцию фактами, именами и событиями выдают за раскрытие исторической правды.

Итак, два вопроса, два ответа.

Для контрреволюционеров опыт Октябрьской революции был «исчерпывающе осмыслен» 26 октября 1917 года — *преступление* или — самое мягкое — *историческая ошибка*, начало гибели России как великого государства.

Для тех же, кто видел в Октябрьской революции попытку построения общества справедливого, бесклассового, свободного от власти частной собственности, для осмысления *всемирно-исторической роли* и Октября, и СССР, и поныне представляется масса возможностей.

В чем привлекательность идей Маркса—Ленина для молодых?

Для молодых людей, еще не инфицированных идеологией лавочников, спекулянтов и умельцев присваивать незаработанное, полагаю, близки чувства, так искренне выраженные Александром Блоком, не считавшим буржуа, со всеми их достоинствами, вершинным творением истории человечества:

«Везде он. Господи боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я, он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти,

которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слушать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана».

Привлекательность многих мыслителей и художников, как мне кажется, объясняется их способностью отрешиться от соображений, продиктованных исключительно эгоистической природой человека.

2. Сегодня, как мне кажется, даже говорить о грандиозности революции нельзя, нежелательно, моветон. Как заклинание висит в воздухе то ли кем-то научно обоснованное утверждение, то ли боязливое заклинание: «Россия лимит революций исчерпала!»

Хороший тон требует как можно больше говорить о жертвах, о трагедиях, муках и как можно меньше размышлять о неизбежности социальных взрывов, вызванных накопившейся в обществе, как в грозовой, извините, туче, отрицательной и положительной энергии. А что касается последствий взрывов, именуемых революцией, то лучше Энгельса не скажешь:

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» (письмо Вере Засулич. 23.04.1885 г.).

Ленин писал о восстании как искусстве, но и революции, при всей их неизбежности, тоже не могут возникать и развиваться по правилам, по рецептуре, по планам, составленным на каком-нибудь съезде и утвержденным и профинансированным каким-нибудь генеральным штабом.

Бунт, заговор, переворот могут быть инспирированы. Проломить череп законному царю по желанию незаконной претендентки на престол всегда пожалуйста, придушить законного царя незапятнанным офицерским шарфом, если попросят и заплатят, почему бы и нет? Заговоры и перевороты — это вроде кожной болезни общества. А вот устроить революцию, коренным образом меняющую в огромной стране политический строй, весь уклад жизни, учинить революцию, порождающую новое общественное устройство, никакой кучке заговорщиков не по плечу.

Едва ли найдется мыслитель, берущийся утверждать, будто гражданские войны в Германии, Франции, Соединенных Штатах, даже в Финляндии, результат заговора, однако находятся сочинители, готовые сделать для России исключение.

3. В разное время — это влияние было разным. Разным оно, естественно, было и в различных общественных слоях и классах. Главным же последствием Октября для буржуазии мне представляется испуг, вполне основательный, который пережили «хозяева жизни» на ближнем и дальнем Западе. Они имели возможность воочию увидеть, чем может обернуться безудержный социальный эгоизм.

Увы, наши нынешние «хозяева жизни», получив справку, авторитетно заверенную: «Лимит революций исчерпан», — в ус не дуют.

4. «Обличение нравственной несостоятельности не может произвести непосредственно доброго влияния. Оно не способно устранить те условия, которые их породили». Соловьев. Соч. в 18 кн., т. 13, с. 12.

Скорее всего, те условия, что породили «издержки русской революции и десятилетия «красного террора», позади.

Но спрос на «жестокость и бесчеловечность» может быть удовлетворен и в новых условиях при новых обстоятельствах. Почему с такой готовностью у нас, или в революционной Франции, елизаветинской Англии, в Германии, да где угодно, спрос на жестокость и бесчеловечность мгновенно вызывает избыточное предложение услуг.

У нас во времена Александра Третьего Миротворца палач получал двадцать пять рублей за одного повешенного. Работа сдельная. Хлебная. Но — не каждый день. Когда предстояло повесить пятерых народовольцев, явилось множество добровольцев, заявивших готовность «*управить*», как они деликатно выражались, и за пятнадцать целковых и даже за десятку.

Спрос рождает предложение!

О жестокости.

Фрейлин, что разыгрывали на эрмитажной сцене пасторали, случалось после этого секли.

Вырезание ноздрей водилось в России XIX века.

Телесные наказания солдат были отменены только в 1905 году во время Русско-японской войны, и то, надо думать, не из гуманистических соображений, а из опасения, дескать, от поротого солдата с винтовкой можно чего угодно ждать.

У меня есть «прейскурант» — сколько стоил мужик, девка, «замужняя девка» (тоже можно было продать!), с семьей, на вывоз и т. д. «Бревно дубовое — 3 рубля. Девка дворовая — 3 рубля».

Деликатнейший государь-император Александр Первый Благословенный запретил печатать в газетах ценники и предложение живого «товара» (крещеного! высший сорт!), а торговля шла и шла. Последний «ценник» у меня аж за 1851, едва ли последний. Выкупные платежи, эти кандалы крепостного права, были отменены только в Первую русскую революцию. Только революция 1905 года дала гражданские права крестьянству.

Вот вам и «бунт бессмысленный и беспощадный»!

А на что же еще могут рассчитывать господа бояре, никогда ни за что не отвечавшие?

Кстати, после Большой жакерии, крестьянской войны во Франции в XIV веке, исключительно беспощадной и в отношении дворян, и жестокой по отношению к крестьянам, отменили-таки крепостное право! А наши мужики, жестокие и беспощадные, звон сколько терпели!

О беспощадности.

Почему православная церковь ни с кем так жестоко не враждовала, как со старообрядцами?

«Родные братья жестче враждуют, чем простые знакомые», — писал А. Суворин. Впрочем, это известно со времен Каина и Авеля, Ромула и Рема, со времен Святополка Окаянного и Бориса с Глебом.

Как правило, у катастроф не бывает какой-то одной причины. Вот полетел под откос осенью 1888 года царский поезд. О том, что погиб 21 человек, а ранено было 68, вспоминать не принято. Зато все помнят выдуманную делавшим карьеру С. Ю. Витте, какового на месте катастрофы не было, сказку о Геркулесовых подвигах Александра Третьего, не подтвержденных, кстати, уцелевшей в катастрофе ни государыней Марией Федоровной, ни другими участниками катастрофы.

Как такое могло случиться?

Кто виноват фактически в покушении на царскую семью?

Полно виноватых, сверху донизу. От министра путей сообщения до вороватых хозяев Азовско-Харьковско-Курской железной дороги, от начальника царской охраны до начальника поезда. Десяток-другой высокого ранга чиновников!

Кто ответил за «перевес» царского поезда в полтора раза, за превышение скорости на участке, где за два месяца до этого под откос уже слетел один пассажирский поезд, кто ответил за гнилые шпалы, за шлак вместо щебня в насыпи, кто ответил за гибель невинных людей?

Никто!

За несостоявшееся покушение на Александра Третьего — виселица, а за смерть двух десятков людей да за полсотни искалеченных, за реальную угрозу гибели царской семьи, императора, императрицы, наследника, дочерей царских — милосердное всем прощение.

Как же в стране, где понятие справедливости жило только на литературных страницах и в узком круге населения, как же в стране, где власть всегда могла оправдать любое преступление людей «классового близких», от расстрела мирной демонстрации до развязывания бессмысленной и кровопролитной войны, как же в такой стране, где произвол и безответственность власти «священны», не случится большой крови?

От нас все ждут покаяния. Кто ждет?

Возьмите те же депортации. Жестокость и бесчеловечность. Но это — у нас.

А вот как в США.

19 февраля 1942 года президент США Ф.-Д. Рузвельт подписал знаменитый указ № 9066, разрешив военным властям перемещать любую группу лиц с любой территории без судебного разбирательства, а лишь на основании «военной необходимости».

Жертвой рузвельтовской инициативы стали 127 тысяч японцев, проживавших на тихоокеанском побережье США.

Через несколько дней города и поселки побережья были украшены стандартными объявлениями:

«Приказ всем лицам японского происхождения... Граждане США или нет, подлежат депортации из (данного) района к 12.00 дня (такого-то числа). Размеры и вес багажа ограничиваются тем, что может унести в руках отдельный человек или семья».

Японцев депортировали в лагеря для интернированных. Их возвели в пустынной либо заболоченной местности.

Эта акция стала мезьей японцам за удар по американской военно-морской базе Перл-Харбор на Гавайских островах.

С апреля 1942 года американские колледжи стали отказывать американцам японского происхождения в приеме на учебу.

В Ленинградском театральном институте, где я учился, была Чечено-ингушская студия, готовившая кадры для национального театра.

127 тысяч — это же так мало!

А есть и миллионы.

Про выселение трех миллионов судетских немцев из Чехословакии после войны кто помнит? Отмечаются ли памятные даты, как у нас? Высылали по трем декретам Бенеша, принятым при поддержке союзных держав в июне—октябре 1945 года. Немцы лишались чехословацкого гражданства, а их имущество конфисковывалось. Есть сведения о том, что были расстреляны тысячи судетских немцев, просто в отместку за что-то, по «подозрению» к симпатиям к фюреру. Приказ новых властей — на сборы 15 минут, пять марок на дорогу на одного человека. Никаких личных вещей, ценностей, документов (кроме пропуска из зоны), в первые часы начала выселения были зафиксированным массовые случаи самоубийства, самосожжения домов с семьями.

А мне всегда казалось, что чехи — народ добродушный, мирный, на жестокости неспособный. От немцев они не очень и пострадали, с полной нагрузкой усердно работали, обеспечивая прекрасным оружием и снаряжением вермахт. Даже движения сопротивления в Чехии не было. Помним, конечно, был Юлиус Фучек, поддержавший честь нации.

Кто-нибудь призывает чехов покаяться и вернуть обратно судетских немцев? Что-то не слышно.

Жестокость и беспощадность — это поступки, а поступки совершают люди.

В своем романе «Саамский заговор» я пытался найти для себя ответ на вопрос, почему «Большой террор» в 1938 году не обошел крохотное в две тысячи душ племя саами. Изучая материалы, видел директивы, шедшие «с самого верху» по правым уклонистам, левым уклонистам, троцкистам, зиновьевцам, буржуазным националистам...

Страшно читать о «спущенных» лимитах, областных и краевых разнарядках — сколько должно быть «выявлено и обезврежено». Но в отчаяние повергают обращенные на этот самый «верх», идущие «снизу» настоятельные просьбы об увеличении «лимитов». Этакий встречный план!

Вот и «саамский заговор» был сочинен не Сталиным с Ежовым, а младшим лейтенантом госбезопасности Михайловым без всяких указаний «сверху». Домишко директора Мурманского краеведческого музея приглянулся бесстрашному чекисту... Вот и стал ученый, специалист по саамским диалектам, заговорщиком. Ну, для бесстрашного чекиста это хотя бы побочный промысел, по специальности, а кто бежал в Смольный и пугал партийных начальников, дескать, Четвертая симфония Шостаковича безусловно антисоветское сочинение? Свой же брат, музыкант из академического оркестра. А кто *клепал* на коллегу писателя? Свой же брат — сочинитель.

Я не был принят на Высшие режиссерские курсы по доносу коллеги со студии «Ленфильм», где к тому времени проработал двенадцать лет. Про донос годы спустя мне рассказал советник председателя Госкино, бывший мой институтский преподаватель. Ни в коей мере не примазываюсь к жертвам, даже написал рассказ «Привет стукачу!». Вспомнилось потому, что и в *мирном* 1973 году кто-то садился и писал, а кто-то читал и *делал выводы*, чтобы потом не упрекнули в недостаточной зоркости.

И об этом надо помнить.

Оказывается, общество на веки вечные инфицировано разного рода гадостями. При благоприятных условиях инфекция оборачивается эпидемией.

Заботы власти об устранении политических оппонентов — одна сторона медали, но будет ли когда-нибудь подсчитан и оценен «энтузиазм масс» и личный вклад доносчиков, провокаторов, карьеристов, интриганов и палачей-добровольцев, от «чистого сердца» обслуживавших террор и участвовавших в терроре?

Да и когда, в какие времена на Руси, в России ценилась человеческая жизнь? Нам ли задаваться этим вопросом, живущим в городе, построенном на костях.

5. Едва ли такие условия появятся.

6. С «внутренними конфликтами», более-менее ясно.

А можно ли считать социалистические и коммунистические идеи «внешними силами»?

Ведь Маркс, скорее всего, прав, утверждая: идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Но идеологические, политические, социальные корни революции — тема скучная, иное дело «внешние силы»!

О внешних силах.

Во время Русско-японской войны произошла революция. Вся бульварная пресса патриотического толка была переполнена неопровержимыми доказательствами того, что «революция устроена на японские деньги».

Сказано — на иностранные деньги, и всем понятно: и дворнику, и кухарке, и патриоту-интеллекту.

Презирая отживающую власть, общество дошло до того, что приветствовало в открытую военные успехи японцев. Может быть, тоже за японские деньги?

Солдаты возвращавшейся с войны армии, как пишет участник войны В. В. Вересаев, выкидывали офицеров из классных вагонов, случалось, и убивали, о том, чтобы отдавать честь, и речи не было.

И это на японские деньги?

Был такой авторитетный публицист М. О. Меншиков, патриот, каких поискать! за что и был расстрелян бесстрашными чекистами-интернационалистами на глазах своих детей на Валдае в незабываемом 1919-м. Вот он, отнюдь не сочувствовавший революции 1905 года, ответил искавшим японскую подоплеку и деньги в сотрясавших страну событиях. Надо очень не уважать свой народ, писал он, надо совершенно его не знать, чтобы допустить мысль о том, что на какие-то деньги можно поднять страну на восстание.

Конечно, бульварная пресса самый авторитетный и влиятельный историк, но брать ее себе в учителя и наставники, избави бог!

7. Неожиданно на этот вопрос, как мне кажется, ответил Ленин в статье «О брошюре Юнниуса».

Совершенно очевидно, что сегодня, если Октябрь считать революцией, победила, взяла реванш контрреволюция. Из застенчивости эти победители, как правило, бывшие преданные строители коммунизма, не прибегают к столь ясной формулировке. Для них в словечке «контрреволюция» все еще видится что-то нехорошее. Вот они и жеманятся: «реформы», «демократические преобразования», «возвращение на путь цивилизованных стран»... А чего стесняться-то? Еще Салтыков-Щедрин им подсказывал: «Стесняться некого, да и некогда!..»

И почему-то контрреволюция не хочет признать главной своей победы!

Октябрьская революция ниспровергла не царскую власть, с ней покончил Февраль, Октябрь низвергнул частную собственность «на орудия труда и средства производства», прекратилась власть капитала в политическом смысле и власть денег в повседневном. Вот в чем суть и всемирно-исторический смысл Октября. Банально? Но дважды два тоже «банальность».

Бывший коммунист Ельцин и близкие ему бывшие коммунисты-пособники вернули власть капиталу (вспомним хотя бы «семибанкирщину», знаковое порождение контрреволюции!) и вновь вернули сакральный смысл частной собственности, объявив ее СВЯЩЕННОЙ!

Врезались в память замечательные слова Галины Васильевны Старовойтовой, услышанно-увиденные, надо думать, не мной одним, в телевизоре: «У вас спрашивают, откуда деньги? Ударьте его по лицу!» Вот девиз победителей!

Дележ окончен! Всем — спасибо.

Судя по «исчерпанности лимита на революции», власть денег уже навсегда.

И вот на этот счет мнение Ульянова-Ленина:

«Представить себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно». (ПСС, т. 30, с. 6).

Роман Сенчин, писатель (Екатеринбург)

1. Конечно, нет, если мы вернулись в капитализм. Причем еще более дикий, чем был до 1917 года.

Идеи Маркса и идеи Ленина, если присмотреться, разные. Маркс до сих пор востребован в мире — Европа живет, в общем-то, по советам. Вернее, учитывает его предупреждения. Недаром Карл Маркс был признан главным мыслителем тысячелетия... Ленин же ассоциируется со стихией, с революцией. Революция — очень привлекательна для молодежи. Резкая смена всего мироустройства... Октябрьская революция коснулась не одной России, весь мир отозвался своими революциями. Их потопили где большей, где меньшей кровью. После этого мир стал читать Маркса.

Интересно, конечно, что случилось бы с нашей страной, доживи Ленин работоспособным хотя бы до 1930 года, а не сойди со сцены в 1922-м. Мне кажется, у нас бы после ликвидации последствий Гражданской войны установилась социал-демократия. И исторический портрет Ленина выглядел бы иначе.

2. В общем-то, грандиозные произведения литературы о революции и Гражданской войны были написаны в 1920—1930 годы. Один «Тихий Дон» чего стоит. После этого пошли чаще всего вариации, а то карикатуры умышленные или неумышленные.

3. Я уже написал, что Европа вчиталась в Маркса и построила почти социализм. Хотя и очень дорогой ценой — ужасом Второй мировой войны. Думаю, не появившись Гитлер, Европа все равно бы прошла через нацизм (а он был популярен чуть не во всем мире), страшную войну. И в конце 1940-х началось строительство социальной демократии пусть и под вывеской капитализма.

4. Террор был и красным, и белым. И белый не закончился с окончанием Гражданской войны... Я бы не сваливал все на большевистскую идеологию. Шаламов требовал не смешивать Сталина и социализм. Объяснить все, что происходило в конце 1920 — в 1930-е, да и позже я не могу. Понятно, что Сталин устранял конкурентов, но зачем подписывал длиннющие расстрельные списки ученых, военных, идеологов, я понять не в состоянии... Есть несколько свидетельств, что 22 июня 1941-го он был в панике и растерянности. Видимо, осознал, что лучших людей страны он уничтожил, и сражаться, изобретать новое оружие, настраивать людей на борьбу, по существу, некому. Жуков писал, что учился воевать уже во время войны. Так же и остальные. Оставшиеся в живых после репрессий конца 1930-х.

5. Сама Октябрьская революция была неизбежна. Народ ее хотел и принял мгновенно. Дальнейшие события могли развиваться по-разному. Но не нашлось сил, чтобы сбросить пришедших к власти... Хотел написать «большевиков», но пришли к власти разные силы. Эсеры, анархисты, даже некоторые меньшевики... Сил, чтобы их свергнуть — не нашлось. Революция очень многих окрылила. Можно вспомнить статьи Блока о революции, стихотворения Клюева, Есенина... Дальнейшее — гражданская война, коллективизация, ГУЛАГ — к революции имеет мало отношения.

6. Да нет, конечно, Октябрь был результатом внутренних конфликтов. И — свободой, наступившей после Февраля. Ведь как бы было хитро и ловко, если бы Временное правительство заманило большевиков, эсеров, анархистов из эмиграции в Россию и пересадало бы их лидеров. Революция бы в любом случае произошла бы, но без Ленина, Троцкого ее бы задавили... Не знаю, не знаю. В те дни сошлось очень многое, и революция, по-моему, стала неотвратима.

7. Я думаю, идеи социализма и даже коммунизма в России будут жить. Сейчас мы еще не отошли от революции 1991 года, еще верим в капитализм с человеческим лицом. Славить Октябрьскую революцию не принято, так как сразу затыкают репрессиями, Сталиным. Но идеи Октября были правильными, и, по существу, они не были реализованы в полной мере. Думаю, к ним общество еще вернется. Хорошо бы — без гражданской войны.

Евгений Степанов, поэт (Москва)

1. Опыт революции, на мой взгляд, еще будут долго осмысливать. Точка здесь не поставлена. Идеи Маркса—Ленина живут потому, что элементы социалистического общества (и даже коммунистического) есть во многих богатых западных странах —

в Германии, Швеции, США и других. Коммунистический девиз «От каждого по способности — каждому по потребности» очень хорошо прижился, например, в ФРГ, где тысячи людей не работают и не хотят работать, но пресловутые «Джоб центры» (центры занятости) обеспечивают этих людей минимумом, необходимым для жизни, посылают их на учебу на всевозможные курсы, оплачивают жилье и т. п. То есть государство дает своим гражданам то, что им нужно — по потребности. Если же хочешь больше — пожалуйста, работай, пробивайся. И у тебя будут виллы, дорогие, машины и т. п. Хочешь довольствоваться малым — богатое немецкое государство тебя этим обеспечит. Это и есть, на мой взгляд, коммунизм, о котором мечтали Маркс и Ленин.

2. Думаю, что мы все до конца еще не осознали масштаб драмы под названием «революция». Революция — это кровь, насилие и — прежде всего! — передел собственности. Красивые лозунги служат приманкой для реализации вполне практических целей. Так было и у нас, и во Франции, и в других странах. Человек (человечество) должен идти только путем эволюции, день за днем становясь лучше, милосерднее, трудолюбивее, даже, если угодно, богаче. Первые годы революции, судя по мемуарам писателей (особенно меня потрясли «Окаянные дни» И. А. Бунина и мемуары З. Н. Гиппиус), были ужасные. Потом (особенно в брежневскую эпоху развитого социализма) жизнь стала, конечно, намного легче, проявились некоторые положительные моменты социалистического общества, о которых я говорил выше — бесплатная медицина, бесплатное образование... То есть и социалистическое общество эволюционировало. Но в целом революция, на мой взгляд, остановила поступательное развитие России.

3. Я не могу назвать октябрьский переворот Великим Октябрем. Прожив довольно долго в США, Швейцарии, Франции, Германии, увы, не берусь сказать, как первое социалистическое государство повлияло на культуры, военное дело, церковь и семью на Западе. Вряд ли метод социалистического реализма стал локомотивом для буржуазного искусства Запада. Хотя, разумеется, многие выдающиеся советские художники оказали влияние на культуру зарубежных стран — Эйзенштейн, Тарковский, Параджанов, оператор Урусевский, Шнитке, Губайдулина...

Но это — влияние отдельных личностей. Подобное влияние (взаимовлияние) русской культуры было и до революции. И в гораздо больших размерах.

В целом же железный занавес нанес колоссальный ущерб и отечественной и зарубежной культурам.

Мне в связи с этим вопросом вспоминаются слова классика: «Новаторы до Вержболова, что ново здесь, то там не ново». Но вот в социальном плане (бесплатная медицина, бесплатное образование) социалистическое общество, безусловно, дало урок Западу.

4. Слаб человек. И не только добро есть в человеке. Это надо знать. Те, кто закупают революции, пробуждают в человеке именно зло. И это тоже надо знать. И, конечно, надо помнить о том, что в основе основ лежит экономика. Концентрационные лагеря, которые были при большевиках, возникли прежде всего из-за того, что новой власти нужна была дешевая (точнее бесплатная) рабочая сила. Как-то так странным образом получается в родном отечестве, что у нас постоянно доминируют элементы феодального строя. При царизме было крепостное право, потом — при советской власти — у крестьян долгое время не было даже паспортов, огромное число людей ни за что сидело в тюрьмах. И все это не оттого, что люди плохие, а оттого, что небольшая группа сильных мира сего (ранее дворянство, позднее — партийная номенклатура, сегодня — олигархат) владеет (де-факто или де-юре) всеми ресур-

сами страны. И, конечно, удобно давать людям пайку, нещадно и бесчеловечно их эксплуатировать, а не платить нормальную зарплату. Идеология — производная от экономики. Но экономика, построенная на терроре и беспощадной эксплуатации, обречена на провал. Это колосс на глиняных ногах. Только свободная экономика, когда созданы условия для креативного труда, обогащающего реального производителя, может вывести страну из тупика — опыт НЭП это доказал.

5. Я не сторонник никаких революций. Я сторонник ежедневного кропотливого труда, эволюционного, постепенного развития общества и человека.

6. Революция — это бизнес. И, конечно, были внешние инвестиции в революцию и были внутренние. Капиталист Савва Морозов, например, давал деньги большевикам, давали западные спецслужбы, западные финансисты. России эти инвестиции благополучия не принесли.

7. Увы, революции будут продолжаться. Потому что мир капитала всегда нацелен на сверхприбыль. А только революции такую прибыль дают тем финансово-промышленным группам, которые управляют этим несовершенным миром.

Константин Фрумкин, культуролог (Москва)

1. Никакое историческое явление не бывает осмысленным до конца. С каждым новым поколением появляются новые горизонты осмысления — по мере того как для этого появляются новые концептуальные инструменты. Не понимаю, почему в один пункт объединены два разных вопроса — про осмысление и про привлекательность. Молодых умов, высоко оценивающих идеи Маркса—Ленина не встречал. Само объединение здесь Маркса и Ленина считаю идеологической ловушкой. При всем своем историческом значении, Ленин, в отличие от Маркса, не является «источником» сколько-то определенного круга идей.

2. Если отбросить то, что «героический эпос» есть термин довольно архаичный, ответить на вопрос легко: для литературы и философии нет мелочей, они посвящали эпосы и трактаты и куда более мелким событиям. И трактатов, и литературных произведений революции посвящено немало и, конечно, недостаточно — в том смысле, что осталось место и для новых текстов. Правда, надо признать, что именно в жанре исторической драмы эпохе революции не особенно повезло, своего Алексея Толстого в драматургии не нашлось (пьесы Погодина и Шатрова — явно не шедевры).

3. Пожалуй, важнейшим последствием стала мобилизация западных стран против России и левых движений вообще. Возможно — хотя это нельзя доказать, что если бы не было русской революции, не было бы и нацизма как (кроме прочего) ответа на коммунистическую угрозу. Возможно, не было бы маккартизма и блока НАТО — хотя он возник как производная победы СССР во Второй мировой войне. Очень интересный вопрос без понятного ответа: возник бы НАТО, если бы победу над Германией одержала некоммунистическая Россия?

4. Вопрос, на который у меня нет окончательного ответа. Ясно то, что террор есть явление, соответствующее эпохе мировых войн, — и важно тут не только движение ко Второй мировой войне, но и обстоятельства рождения большевистского государства из пламени Первой мировой и Гражданской войн. Большевистская идеология «радикальной реформы всего», конечно, увеличивала масштабы репрессий, увеличивала масштабы задач, требующих «репрессивного сопровождения». И важно то, что мощнейшие преобразования в стране, модерн в условиях сравнительного отсталого государства, происходил на фоне порожденной революции деградации в гума-

нитарной и особенно в правовой, сфере, а также радикального понижения образовательного уровня элиты. Это были самые ужасные последствия революции.

5. Вся моя жизнь — сплошное изменение отношений к революции. Началось все с воспитанного в советском детском саде сакрализации, потом были мучительное переосмысление, восхищение демонической катастрофичностью, проклятие как национальному несчастью — теперь ищу в науках и социально-философских учениях концептуальные рамки для понимания ее.

6. Важнейшей причиной революции была Первая мировая война, которая разумеется происходила не без участия «внешних сил». Марксизм тоже был «импортным» явлением на идейном рынке. Чисто русскими были институциональная слабость, отсутствие действенных профсоюзов, аграрное перенаселение, недостаточная железнодорожная сеть — все обстоятельства, не позволившими стране справиться с военным перенапряжением.

7. Ни то, ни другое. Это произошедший много лет назад атомный взрыв, который до сих пор вызывает лучевые болезни и последствия которого будут ощутимы в обозримом будущем.

Игорь Яковенко, доктор исторических наук (Москва)

1. Начнем с того, что революция произошла в феврале 1917 года. Что же касается событий 24–25 октября 1917-го, то это — большевистский переворот. До 1927 года сами большевики называли это переворотом. Революция — это когда сотни тысяч людей выходят на площадь, войска переходят на сторону восставшего народа и режим падает. А когда организованная сила захватывает рычаги власти и свержает правящий режим — это переворот, военный или политический. Это обстоятельство не делает названный переворот случайным или заемным явлением. Большевики победили в Гражданской войне. Тем не менее, будем корректны в использовании терминов.

Большевистский переворот октября 1917 года — одно из ключевых событий российской революции. События этого масштаба не могут быть изложены и осмыслены исчерпывающе. Интерпретация таких исторических процессов опирается в ценностные и философские основания авторов. В этом аспекте тема в принципе неисчерпаема. С другой стороны, собственно историческое исследование процессов 1917–1922 годов за последние десятилетия продвинулись значительно. Но, как и всякое явление, данная тема неисчерпаема.

Что же касается идей Маркса–Ленина, то они относятся к классическим соблазнам, которые веками обрушиваются на Ойкумену: Савонаролла, Мюнцер, батька Махно, Пол Пот — практики. Платон, Компанелла, Томас Мор, Грахх Бабеф — теоретики. Вальденсы, бегарды, табориты, катары, лолларды — религиозные теоретики, стремившиеся реализовать свои идеалы при первой возможности.

Есть люди, и это особенно характерно для молодежи, которым не свойственно видеть объективную природу вещей. Они находят виновных в том, что мир не соответствует их идеалу, и утверждают, что если покончить с негативом (одних — вдохновить и убедить, других — перебить, третьих — принудить), мир чудесным образом преобразится и начнется новая жизнь. «Молодые умы» этого типа рождались, и будут рождаться всегда. Меняется лейбл; сегодня они чаще именуются «зелеными» или «антиглобалистами». Важно, чтобы этот сегмент общества оставался в меньшинстве.

Есть и еще один аспект. Идеи Маркса—Энгельса увязываются в сознании массового человека с величием Советской империи и байками об утраченной счастливой жизни «простого человека». Мифологизация прошлого — универсалия мировой истории.

2. Революция, о которой говорит Булгаков, действительно событие эпического масштаба. Но это не значит, что о революции нельзя написать пасквиль. Пасквили писались, и будут писаться всегда, в том числе и по поводу грандиозных, эпических событий. Революции соразмерен роман-эпопея «Тихий Дон». Но революции, и ее итогам, соразмерен и «Скотский хутор» Оруэлла. Будем помнить и о том, что литература, созданная в СССР, писалась в определенном политическом и цензурном контексте. Она была «за» советскую власть. Альтернативная позиция в этой литературе не представлена. Вспомним судьбу романа «Доктор Живаго» сомасштабного исследуемому событию. А сегодня реальность революции и Гражданской войны стала достоянием истории.

3. Здесь крайне сложно дифференцировать. К самым значимым изменениям относится формирование «общества потребления» и императив сильной социальной политики. Эти изменения лишили аргументов сторонников «социалистического эксперимента» на Западе. Заметим, по мере формирования «общества потребления» коммунистические движения перемещаются в третий мир, в развивающиеся страны. Во второй половине 40 — 50-х годов коммунисты в Италии были заметной политической силой, а по мере разворачивания «Итальянского экономического чуда» компартия уходила на периферию.

4. То, что вы называете «издержками русской революции», — неизбежное и органическое следствие Гражданской войны и стадийных характеристик российского общества. В России до начала XX века доживало сословное общество и традиционное крестьянство. Причем, эти социальные категории охватывали более 80 % населения. Уничтожение данных реалий, выведение из бытия миллионов позавчерашних людей и крушение присущего им культурного универсума не могло быть легким и щадящим. Что же до жестокости и бесчеловечности, то ничтожная стоимость человеческой жизни и манихейский характер традиционной культуры, требовавший «изничтожать гадов», заложен в основаниях нашей традиционной ментальности.

Жестокости и бесчеловечность, прежде всего, объясняются традицией, а также историческим императивом, нуждами национального выживания. Если бы крепостное право отменили в начале XIX века, а с середины XIX века Россия стала конституционной монархией, необходимые качественные преобразования шли бы полным ходом и нужды в революции в 1917 году не было.

5. Мое отношение к опыту революции и Гражданской войны сложилось давно, опирается как на собственно научные, так и на философско-этические основания. Возможности изменения моей позиции я не вижу.

6. В реальности мировой истории нет и не может быть больших процессов, в которых не участвовала ли бы внешние силы. Это нормально. Тем не менее большие исторические события, в которых участвуют массы (в нашем случае миллионы людей), всегда закономерны и вырастают из внутренних процессов. Самоубийственная политика российской элиты, втянувшая страну в Великую войну, сделала неизбежной Февральскую революцию. А неразрешимые противоречия внутри российского общества сделали неизбежным Октябрьский переворот.

7. Заметим, Савонаролы, батки Махно и Ульяновы-Ленины активизируются на переходе от традиционного общества к современному, или, иными словами, на переходе от средневековья к новому времени. В России этот переход однозначно свершился.

Октябрьская социалистическая — достояние истории. Она была востребована русским крестьянством, отторгавшим частную собственность на землю и блокировавшим наступление «города» (то есть рынка, социального расслоения, конкурентной рыночной экономики) на мир традиционной деревни. Традиционное крестьянство исчезло к 70-м годам прошлого века, и это — главное историческое достижение советской власти. Таким образом, исторический субъект, который мог бы востребовать эту конфигурацию, снят историей, а эпоха эсхатологических безумий и хилиастических грез российским обществом пройдена.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*